

Хотя успеваемость в их профессионально-техническом училище была не сказать чтобы выдающейся, с озеленением здесь дела обстояли прекрасно. Повсюду зеленела пышная растительность, то и дело попадались клумбы: на одних еще только набутали бутоны, другие стояли сплошной зеленью листвы, а третьи уже пестрели яркими, красивыми цветами.

Например, форзиция цвела вовсю: ее тонкие ветви, утончающиеся от основания к кончику, изящно свисали вниз, усыпанные ярко-желтыми цветами.

Спустя совсем немного времени после того, как они ушли, Фэн Ли, словно робкий крольчонок, осторожно прокрался к баскетбольной площадке. Обойдя ее разок-другой и никого не обнаружив, он уже начал падать духом, как вдруг кто-то сзади похлопал его по плечу.

Это был Мэн Хэ, который ранее показывал им дорогу. Он стоял перед ним с улыбкой, и от него исходило столько тепла, что щеки Фэн Ли слегка покраснели.

— Это ты? Ты ищешь Лян Циншэна? — Мэн Хэ почти что задавал вопрос, на который заранее знал ответ. Заметив порозовевшее лицо Фэн Ли, он чуть сузил глаза, а его улыбка стала еще глубже.

— Да, он здесь? — Фэн Ли кивнул, едва слышно пролепетав.

— О, он только что ушел со своим парнем, — Мэн Хэ помахал бутылкой воды в руке. — Эту воду, между прочим, ему парень купил.

Для Фэн Ли эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Он резко поднял голову и, позабыв о всяком смущении, прямо посмотрел на собеседника:

— Что ты говоришь? Какой еще парень?

— А? Разве ты не знал? Брат Лян уже завел себе нового парня, — Мэн Хэ сжалился над ним, увидев его заплаканное выражение лица. Его миндалевидные глаза блестели от подступающих слез, придавая ему необычайно манящий вид.

Фэн Ли покачал головой, и слезы градом покатились из глаз:

— Не может быть... Как он мог...

— Может, тут какое-то недоразумение? — Мэн Хэ изобразил озабоченность и глубокую задумчивость, а затем, обняв его за плечи, произнес: — Хочешь, я отведу тебя к брату Ляну, чтобы вы во всем разобрались?

Убитый горем Фэн Ли беспорядочно кивнул. Он расслышал только слова Мэн Хэ о том, что они

идут к Лян Циншэну, и совсем не заметил чересчур близкого, опасного жеста с его стороны.

— Ты чего пришел? — Лян Циншэн, выйдя с площадки, закинул руку ему на шею, но тут же отпустил. В одной руке он держал недопитую бутылку воды, а в другой — армейски-зеленую ветровку. — Соскучился, вот и пришел, — спокойно ответил Цы Ханьсунь, бросив на него взгляд.

— Оу, — Лян Циншэн не слишком-то в это верил, но его губы медленно тронула улыбка. Он посмотрел на него и спросил: — Поел уже?

— Еще нет.

Цы Ханьсун шел с ним плечом к плечу по аллее, обсаженной гинкго. С его прямой осанкой, безупречным выражением лица и благородной внешностью он казался совершенно чужеродным человеком в стенах этого училища.

— Пойдем поедим на улице или заглянем в нашу ужасно отвратительную столовую? — специально спросил Лян Циншэн. Дорога, по которой они шли, как раз вела к выходу.

— В столовую, — не раздумывая ответил Цы Ханьсун. — Будем есть твои любимые блюда.

Лян Циншэн тут же шагу не сделал. Цы Ханьсун тоже остановился и повернулся к нему. Последние лучи закатного солнца уже полностью скрылись за горизонтом, и в школе зажегся желтоватый свет фонарей, вытянув их тени в длинные силуэты.

— Да что такого вкусного может быть в столовой? Серьезно хочешь туда? — На первый взгляд Лян Циншэн казался бесхитростным парнем, но на деле он умел очень точно угадывать чужие эмоции.

— В столовую, есть твои любимые блюда, — снова повторил Цы Ханьсун.

— Ладно, пошли, проведу, — Лян Циншэн развернулся и зашагал к другому перекрестку. Лицо его при этом выражало странную задумчивость.

Цы Ханьсун сделал широкий шаг, догнал его и взял под руку.

Тело Лян Циншэна мгновенно оцепенело. Он сжал свою грязную руку в кулак, чтобы не пачкать чужую одежду, но возражать не стал, лишь бросил:

— Весь в поте, неужто тебе не брезгливо?

— Когда ты был весь в поте, разве я тебя не обнимал? И что, побрезговал? — склонив голову набок, с вызовом ответил Цы Ханьсун. С этими словами он крепко ущипнул его за руку — твердую, пропитанную потом, словно раскаленный кусок железа, которую было невозможно сжать.

У Цы Ханьсуна всегда находилось наготове слово, из-за которого Лян Циншэн не мог ни проглотить обиду, ни выплюнуть ее.

— Еще раз ущипнешь — брошу в озеро, веришь нет? — Лян Циншэн немного потерпел, но в конце концов не выдержал. Рядом со столовой как раз находилось искусственное озеро с парочкой бутафорских белых лебедей и изогнутым каменным мостиком.

Цы Ханьсун продолжал мять его руку; у него были нежные и мягкие пальцы, и это тисканье доставляло слишком много ощущений, чтобы их можно было просто игнорировать.

— Не верю, — отозвался Цы Ханьсун. В темноте его очки слегка бликовали, из-за чего Лян Циншэну стало еще труднее разглядеть выражение его лица.

— Не веришь — и не надо, — Лян Циншэн продолжал держать руку полусогнутой в кулак. Только что поиграв в баскетбол, он и впрямь испачкался и совсем не хотел пачкать чужую одежду.

Возле столовой имелся наружный панорамный лифт, на котором можно было подняться со второго этажа на первый.

Лян Циншэн поднял руку, уворачиваясь от его пальцев, и направился к умывальникам. Перед раковинами висело зеркало, и, моя руки, он то и дело поглядывал на стоявшего рядом Цы Ханьсуна.

Тот опустил глаза, наблюдая, как он моет руки. Из-за очков длинные пушистые ресницы казались не столь заметными, но Лян Циншэн собственными глазами видел их влажными — невероятно густыми, одновременно невинными и притягательными.

На Цы Ханьсуне была толстовка цвета клейн-синий, которая еще больше подчеркивала белизну его кожи. Капюшон аккуратно лежал на спине, а сам он, сосредоточенный и молчаливый, выглядел на удивление послушным. Его открытая шея казалась тонкой и белой.

Смыв мыло и заметив, что Цы Ханьсун увлеченно за ним наблюдает, Лян Циншэн сунул свои мокрые, ледяные от воды пальцы ему за воротник, желая немного остудить.

Цы Ханьсун, застигнутый врасплох, даже не попытался отпрянуть: он машинально наклонил голову и приподнял плечо, зажав чужую руку между щекой и плечом. Вода с пальцев тут же изрядно измазала ему пол-лица. Лян Циншэн изначально хотел лишь слегка остудить его, но он

недооценил температуру собственных ладоней. Вода была холодной, однако его тело пылало до такой нелепой степени, что охладить Цы Ханьсуна у него не вышло. К тому же кожа Лян Циншэна оказалась теплой и мягкой на ощупь, из-за чего он выглядел так, будто попытался воспользоваться моментом, как какой-то негоджей.

Цы Ханьсун нахмурился и с легким неодобрением посмотрел на него:

— Ты чего?

Лян Циншэн сбежал взглядом в сторону, выдернул свою руку и неловко усмехнулся:

— Ничего, ха, пошли скорее, а то всё раскупят.

Цы Ханьсун бросил на него еще один взгляд, но в конце концов промолчал и сам протянул руку, чтобы взять его за ладонь. Теперь Лян Циншэн почувствовал себя еще более неестественно: уворачиваться было неловко, но и терпеть — тоже.

Подобные вещи — держаться за руки — они делали и с Фэн Ли, но никогда прежде — на глазах у такого множества людей, под таким пристальным вниманием и так непринужденно.

Цы Ханьсуна совершенно не волновало, что тот думает. Он всегда делал то, что хотел. Если уж на его гомосексуальность закрывали глаза даже собственные родители, то никто другой и вовсе не мог оказать на него хоть какое-то влияние.

Он не просто взял его за руку — он сплел их пальцы в замок.

Лян Циншэн не стал опускать голову, но в тот момент, когда их ладони соприкоснулись и пальцы переплелись, он чуть крепче сжал руку.

Рука Цы Ханьсуна была большой и целиком укрывала его ладонь. И хотя у самого Лян Циншэна была обычная желтоватая кожа, на фоне мертвенно-бледной кожи спутника она казалась неестественно смуглой.

Это был уже второй раз, когда он заметил такую сильную разницу в их оттенках кожи.

В первый раз это случилось, когда Цы Ханьсун стоял перед ним на коленях, обхватив его за талию: тогда те руки, эта гибкая талия, а также резкий контраст между смуглой кожей и розовой плотью отчетливо врезались ему в память. Именно это заставило его осознать данную истину.

— Что ты обычно ешь? — Цы Ханьсун бросил взгляд на сидевших тут и там людей и подал голос.

Лян Циншэн потянул его за собой, подошел к прилавку с жареным рисом на железном противне и спросил паренька в медицинской маске:

— Говядина еще осталась?

— Да, сколько порций? — кивнул тот.

— Всего одну.

Затем Лян Циншэн отсканировал QR-код для оплаты. Отпустив руку, он больше не брал его за руку, а вместо этого нашел местечко поближе и присел.

В столовой после семи часов вечера уже почти никого не осталось — все уже поели и вернулись в общежития.

— Подожди, я устрою тебе небольшую прогулку или сразу провожу обратно? — Лян Циншэн взял салфетки и протянул их ему, попросив вытереть брызги масла перед своим местом.

— Раз уж пришел, давай прогуляемся.

Цы Ханьсун положил использованную салфетку на стол, а Лян Циншэн совершенно естественно сложил его грязную бумажку вместе со своей.

В столовой работали на совесть: пока они вытирали стол, заказ уже был готов.

Цы Ханьсун сидел на дальнем месте, а Лян Циншэн велел ему не двигаться с места и сам принес ему еду. Блюдо шкворчало и источало аппетитный аромат, а снизу его подносили каменная плита.

— Нижний камень очень горячий, не трогай его, будь осторожен.

Лян Циншэн протянул ему ложку.

Цы Ханьсун посмотрел на рис с говядиной перед собой: выглядело это очень аппетитно, да и пахло восхитительно. Политый сверху остро-пряный соус вызывал необъяснимый аппетит и заставлял невольно сглатывать слюнки. Лян Циншэн не знал, куда деть взгляд, пялиться на то, как кто-то ест, было неудобно, поэтому он достал телефон и принялся листать ленту. Видео воспроизводилось с очень тихим звуком, но Цы Ханьсун успел заметить, что это запись баскетбольного матча.

Тот ел не спеша, то и дело поглядывая на экран. Сам он был капитаном баскетбольной команды, поэтому отлично разбирался в игре и смотрел её без всякого напряжения.

Он спокойно ел, но, когда долго не раздавалось никаких звуков, Лян Циншэн поднял голову и случайно встретился взглядом с Цы Ханьсуном. Щеки последнего были набиты едой, и он продолжал жевать.

Поймав друг друга на взгляде, Цы Ханьсун на мгновение замедлил темп жевания. Уголки губ Лян Циншэна чуть дрогнули, и оба они одновременно отвернулись, разорвав зрительный контакт.

— Как думаешь... это вкусно? — Лян Циншэну показалось, что пялиться в телефон всё-таки неловко, поэтому он убрал его и, скрестив руки на груди, посмотрел на собеседника.

— Пойдет, — равнодушно бросил Цы Ханьсун с таким пресным выражением лица, что в это «пойдет» верилось с трудом.

— И правда так себе, я вообще-то хотел сводить тебя поесть в другое место, — объяснил Лян Циншэн, вертя в руках телефон.

Цы Ханьсун вытер рот, приподнял веки и произнес:

— Завтра сводишь.

Лян Циншэн удивленно посмотрел на него. На его лице читалось такое изумление, словно оно говорило: «Мы что, и завтра опять увидимся?»

— А что, нельзя? — Цы Ханьсун нашарил в кармане сигареты, но, подумав, что курить в столовой неуместно, сдержался.

— Завтра среда, а в четверг мы идем в кино. Получается, мы будем видеться чуть ли не каждый день. — Раньше Лян Циншэн, не считая первых трех месяцев с Фэн Ли, когда они учились в одном классе и виделись ежедневно, никогда не встречался с возлюбленными так часто.

— Разве нельзя? — Цы Ханьсун поднялся и посмотрел на него, и в его голосе прозвучало искреннее, простодушное недоумение: — Выходит, при романтических отношениях нельзя видеться каждый день? Я встречаюсь впервые и опыта не имею, так что поучи меня, братец.

Лян Циншэн посмотрел на этого мужчину с чуть приподнятыми бровями. Уголки его губ вроде бы тронула насмешка, но из-за холодного выражения лица это было не слишком заметно.

Он невольно поморщился:

— Не называй меня так.

— Фэн Ли может звать, а я нет? — Улыбка мгновенно исчезла с лица Цы Ханьсуна, весь его облик разом заострился, а во взгляде мелькнул холод.

— Ты старше меня на три месяца, и при этом зовешь меня братцем? — Когда они в прошлый раз снимали номер в отеле, его удостоверение личности лежало на столе, Лян Циншэн случайно бросил взгляд и запомнил дату.

Цы Ханьсун поджал губы, и выражение его лица стало чуть менее мрачным. Спорить дальше он не стал, но упрямства своего не оставил:

— Братец, мне курить захотелось. Придумай что-нибудь.

Лян Циншэн уже поднялся на ноги, но при этих словах замер на месте, вспомнив то, что произошло в больничном туалете.

Фэн Ли звал его «брат» обычно в один слог — это просто служило простым обращением. Цы Ханьсун же тянул «братец» с интонацией, в которой сквозил совершенно иной, вызывающий подтекст.

Теперь в сознании Лян Циншэна курение прочно ассоциировалось с поцелуями враскоряку.

<http://bllate.org/book/21585/2224504>